

Марк Янсен

Арсений Рогинский глазами голландского коллеги-ровесника

Имя Арсения Рогинского мне впервые встретилось полжизни назад. В то время нам обоим было по 35 лет. Я спокойно родился дома в Амстердаме, он же – в лагерной больничке. Его мать временно переехала к его отцу, когда тот, осужденный в 1938 г. на пике сталинского террора и отправленный на строительство железной дороги Котлас – Воркута, был освобожден без права возвращения домой. Отец Рогинского умер во время своего второго срока в ГУЛАГе после войны. С таким происхождением Арсений (к тому же еврей) вряд ли мог поступить в Ленинградский университет. Поэтому он поехал в Тартуский университет, в тогдашней советской Эстонии, где одним из его преподавателей был литературовед Юрий Лотман.

У Арсения были задатки многообещающего историка, но он был слишком независим для советской научной карьеры. Ему пришлось зарабатывать на жизнь себе и своей семье, работая учителем русской литературы в вечерних школах. В свободное время он собирал рассказы о судьбах немногих оставшихся в живых социалистов – противников большевиков после революции 1917 г. Первый раз его вызвали на допрос в 1973-м, первый обыск в его квартире прошел пятью годами позже. Впоследствии его чуть не упрятали в психиатрическую больницу и давили на него, заставляя уехать из страны.

12 августа 1981 г. Арсения арестовали на его даче в эстонской Усть-Нарве и привезли в Ленинград, где посадили в «Кресты». Он якобы подделал отношение на получение доступа в исторические архивы при подготовке диссертации о революционном движении декабристов. Как и любому другому исследователю, для получения доступа в советские архивы ему нужно было отношение от научного руководителя из института с указанием темы научной работы. Свободомыслящий руководитель Арсения дал ему полную свободу, поэтому Рогинский довольно часто, с разрешения профессора, подписывал отношения сам. 4 декабря того же года ленинградский суд приговорил Арсения к четырем годам заключения на основании ст. 196 Уголовного кодекса РСФСР (подделка документов). Научный руководитель был вызван в суд в качестве свидетеля и впоследствии лишился работы в университете. Протесты сотен всемирно известных историков из разных концов мира не могли изменить решение. Напрасно я сам собрал подписи больше 60 голландских историков и писал статьи об этом деле для голландских газет, включив в них обширные выдержки из последнего слова Рогинского на суде. Он критиковал унижительные ограничения на использование документов из советских архивов, что способствовало искаженной трактовке российской истории. Суровый приговор, скорее всего, был связан и с подозрением в том, что Рогинский использовал документы из советских архивов для исторического сборника «Память», изданного в Париже. Там были также опубликованы собранные им рассказы о судьбах людей, о которых я упомянул выше. Я был младшим коллегой меньшевика Бориса Сапира, который после срока на Соловках бежал в Нидерланды и работал в Международном институте социальной истории в Амстердаме. Я помню, как его обрадовало неожиданное внимание в России к его соратникам по партии!

Рогинский, еврейский интеллигент, оказался в ИТЛ среди матерых уголовников, хотя и осужденных не за особо тяжкие преступления. Будучи хорошим рассказчиком, он в конце концов завоевал в лагере определенное положение. Тот факт, что у администрации был на него зуб, укрепил его репутацию. За четыре года он прошел пять разных ИТЛ, т.е. ему пять раз пришлось приспосабливаться к новым обстоятельствам.

4 августа 1985 г., ровно через четыре года после ареста, Рогинского освободили. Вскоре после этого я впервые встретился с ним. Он считал проведенные в ИТЛ годы не потерянным временем, а «школой жизни». Ему больше не разрешали преподавать, поэтому он немного зарабатывал редакторским трудом. Когда позже, в конце 1980-х годов, в период перестройки я приехал жить в Москву надолго, архивная политика начала постепенно меняться, не в последнюю очередь

благодаря и Рогинскому. Мне наконец-то разрешили ознакомиться с документами процесса эсеров 1922 г., по которому я написал диссертацию в 1979 г., не имея возможности их прочесть. Еще до своего ареста Рогинский собрал рассказы о судьбах тех немногих эсеров, которые пережили сталинский террор.

В октябре 1987 г. группа молодых людей начала собирать подписи за создание памятника жертвам сталинизма. Это было началом общества «Мемориал», зарождению которого я смог стать свидетелем. С того времени Рогинский полностью посвятил себя «Мемориалу».

После распада СССР, в период президентства Ельцина, Арсений был назначен членом комиссии по истории, задачей которой было собрать обвинительные материалы против КПСС. Теперь ему уже не нужны были отношения для получения свободного доступа к архивам КГБ! К сожалению, эта политика была оппортунистической и вскоре прекратилась.

После нескольких лет, проведенных в России, я продолжал регулярно встречаться с Рогинским в Москве, – в офисе «Мемориала» или у него дома. Эти встречи всегда были чрезвычайно вдохновляющими. Кроме того, я смог несколько раз принять его у себя в Амстердаме. Арсений Рогинский со своей неисчерпаемой энергией всегда был бесценным человеком для советских и российских архивов и истории, для нашего представления о советском терроре, для жертв террора и их родственников. Я не могу себе представить «Мемориал» без него. И я желаю ему и «Мемориалу» многих плодотворных лет!